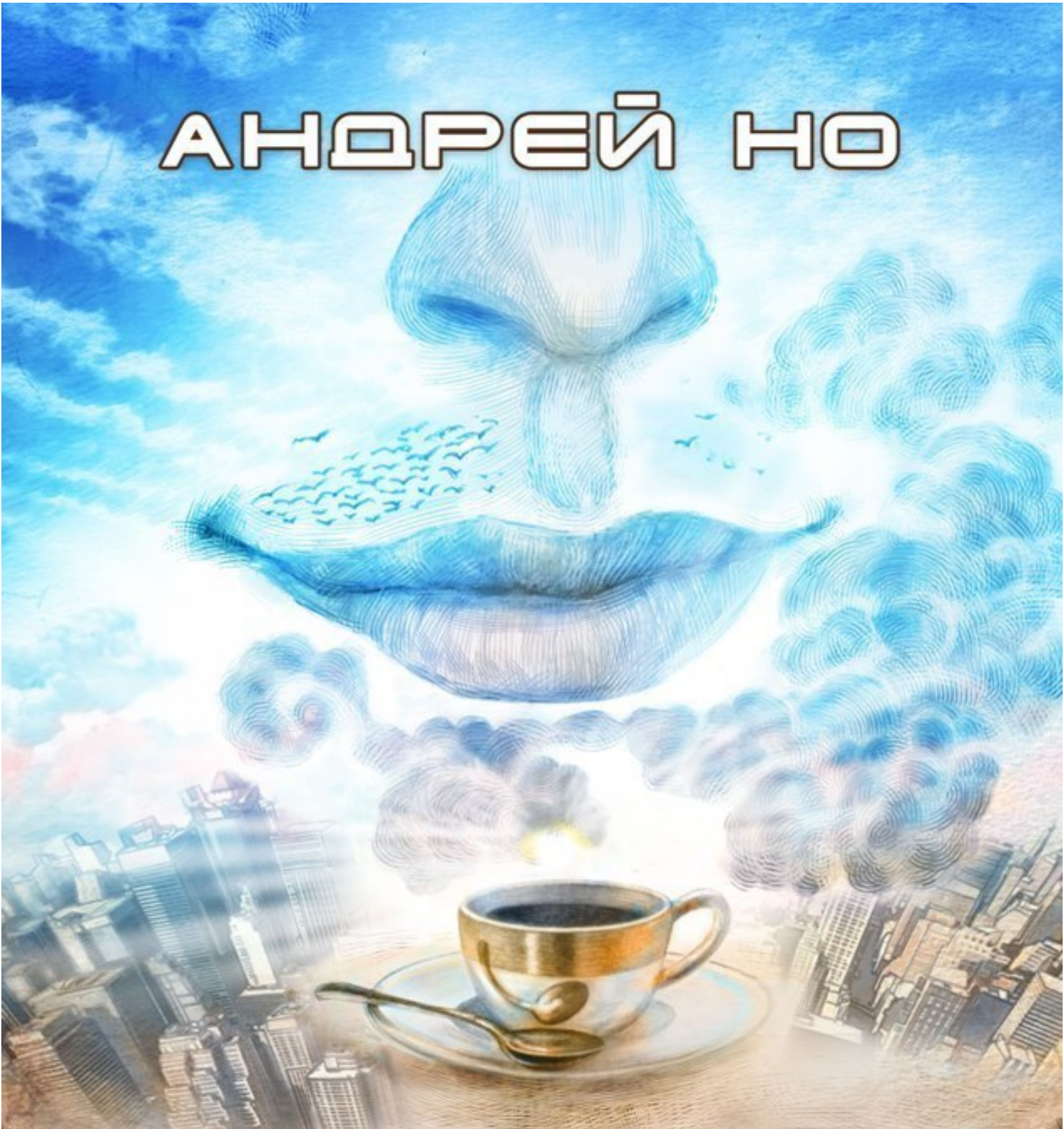

АНДРЕЙ НО

СУБЪЕКТ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

New Sci-Fi (1С)

Андрей Но

Субъект. Часть четвертая

«1С-Публишинг»

2020

Но А.

Субъект. Часть четвертая / А. Но — «1С-Паблишинг»,
2020 — (New Sci-Fi (1С))

В результате финальной стычки с Айсбергом герой был фактически уничтожен, однако, способности все еще позволяют цепляться за жизнь. Сотворив невозможное, он выводит свои способности за грань объяснимого, но лишь до момента, пока ему не открывается новая, до этого неведомая истина, способная перевернуть и переосмыслить всё, что было с ним на протяжении всей этой долгой истории. Приготовьтесь к шоку и читайте четвертую и заключительную часть литературного сериала «Субъект».

Содержание

Глава 41. Силки пространства и времени	6
Глава 42. Бесконечный шанс	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Но Субъект. Часть 4

Андрей Но © 2018

Глава 41. Силки пространства и времени

В момент, когда это произошло, соседний город пребывал в счастливом неведении. Тут стоял сонливый осенний вечер. Солнце садилось раньше, чем обычно, обнаженные деревья в одиночестве хандрили, детские площадки пустовали. Смотреть в окно уже было неинтересно.

И все же на глазах тех немногих, кто смотрел сейчас в свое окно, мрачное небо над горизонтом внезапно заалело. Где-то там, далеко, беззвучно стал разрастаться красный, слепящий шар. Звук дошел до них на два или три удара сердца позже, чем ожидалось. Стекла в старых домах брызнули осколками, дряхлые рамы вдавило внутрь квартир. Испуганно заверещали на стоянках автомобили. Электричество во многих районах вырубил, и те погрузились во тьму, в которой выразительнее проступили смертоносные очертания грибовидного облака, стремительно растущего над небосклоном.

Городские улицы пронзил затяжной вой воздушной сирены, поднялся небывалый переполох. Никто не обратил внимания на прочертившее небо огненным следом нечто бесформенное, отсюда похожее на комету, что пролетело высоко над головами и врезалось в будку на крыше одного из девятиэтажных домов, пробив ее насквозь.

Обломки кирпичей сыпались на страшно покоренное тело. Глаза ослепли от мощнейшего, непредназначенного для человека перепада давления, но и без них, обрывками чувств я отчетливо видел ад, который после себя оставил.

Не-е-ет!..

Город, в котором я родился, жил, знакомился с людьми... Левую половину тела стягивало и сморщивало от тяжелых ожогов... Щека, вместе с частью волос на голове, сгорела...

Не-ет!..

Города, который я знал, больше нет... Ноги не слушались... Правая рука была погнута в дугу и не шевелилась... И близких, что в нем жили, тоже...

Не-ет!..

Спасишся благодаря мне девушки... лучший друг... его жена... ни в чем неповинные родители... Все органы были перемешаны в безжизненную кашу... Легкие были похожи на рванье...

Нет...

Шея сломана... Спина мозг поврежден... Прежняя связь с телом навсегда потеряна... Марта, так и не дождавшись меня, погибла... Будущего не произойдет...

– Не-е-ет! – беззвучно простонал я, каким-то чудом раскрыв вывихнутый рот. Я не чувствовал своего тела, не видел ни того, что от него осталось, ни того, что располагалось вокруг. Своего стона я тоже не расслышал, так как слух был серьезно поврежден. От меня не осталось ничего... Ничего, кроме моих способностей.

Я воспринимал себя со стороны алиеноцептивно. Это до жути напоминало программу трехмерного моделирования, где из линий, посреди бескрайней, чернящей пустоты, была спроектирована фигура человечка. Притом, у проектировщика, судя по всему, было весьма туманное представление о том, как должен был выглядеть человек. Планетарная скорость со мной жестоко обошлась...

Я не мог пошевелиться. Но мое тело состояло из материи, поэтому я заставил его это сделать. Нога фигуры из линий сдвинулась то ли сама, то ли по чужой воле. Я будто управлял героем в незаконченной, непрорисованной и непродуманной демоверсии какой-то компьютерной игры от третьего лица. Казалось жутким допустить, что этим героем как раз таки являюсь я. Уж больно неудобным было управление. Уж больно неиграбельно выглядела его модель. Слишком незавидная предыстория была у этого персонажа, чтобы хотелось за него играть... Но игра уже началась, и выхода из нее, как такового, не было.

Неуклюже поднялась рука и, слепо пошарив в воздухе, рухнула на изувеченное лицо фигурки. И в этот же миг по-новому вспыхнула боль в скуле, заставив схлопнуться мой обзор от третьего лица в одну точку. На этой точке сейчас лежал какой-то инородный предмет. Сложно было поверить, что это моя рука, ведь я ее не чувствовал. Тактильная и болевая чувствительность остались только на лице, да на отрезке шеи, что был выше места ее перелома. Я до сих пор не мог, ну не мог поверить в происходящее!..

Как же так вышло... Еще пару минут назад я предвкушал близкую победу над Айсбергом, а далее – спокойную и размеренную жизнь, которую в этот раз могла бы уже скрасить девушка, которую я видел раньше только в грезах... Это было бы для меня чем-то совершенно новым, чем-то... взрослым. Пусть и взрослеть я никогда не спешил.

Но теперь спешить было некуда. Всего этого нет, а сам я был хуже, чем мертв. Я был привязан к этому мертвому телу, заключен в него, как осужденный – в клетку. Заброшен в груды покореженного металлолома и непослушного мяса, центр управления которого не хватало смелости перечеркнуть. А за что еще мне оставалось держаться? Я с горькой задумчивостью наблюдал со стороны за своим мозгом. Страшный трехсекундный полет он как-то пережил. Нет... Он, кажется, вообще остался невредимым!.. Видимо, намертво зафиксировал конфигурацию из составляющей его материи. А толку... Я неуверенно взвел пружину ментальной гильотины для избавляющего от мук удара по самому себе. Но что-то во мне противилось.

Буквально десять минут назад, я бы рассмеялся над такими понятиями как судьба и предназначение. Но сейчас, на грани ухода в небытие, мой мозг цеплялся за любое оправдание в пользу жизни. Хотя бы в таком виде. Ведь я, несмотря на все, выжил. А значит, в этом был какой-то смысл. А может, это вообще было частью чьей-то задумки... Пусть так...

Отрывистыми, как у робота, угловатыми движениями, фигура попыталась встать. Получилось далеко не с первого раза. Она путалась в их последовательностях. Наконец, ей удалось неровно замереть на двух ногах. Чудом выжившее чувство равновесия в мозгах подтвердило, что голова в самом деле зависла над землей, а сам я, стало быть, нахожусь в положении стоя.

Первый шаг был мелким, ничтожным. Управление опорно-двигательным аппаратом столь непривычным способом, как бы со стороны, было делом невероятно сложным, быстро ввергающим в отчаяние. Голова будто была взгромождена на кучу криво сцепленных между собой протезов, что слушались мои команды через раз. А сам я был по-прежнему слеп, глух, начисто отрезан от мира ощущений. Это не жизнь.

Я стоял посреди черной, объемной пустоты, а на меня со всех сторон обрушивался алиеноцептивный мусор. Одни звуковые волны чего стоили. Они перебивали друг друга, как старые супруги, низкочастотные давились, поглощая коротковолновые, а высокоамплитудные искажали пространство, отчего локации вокруг, и без того невнятные, похожие, скорее, на наброски карандашом, становились размытыми. И, тем не менее, в том, что их наполняло, я приблизительно разобрался. Кажется, я был сейчас на крыше жилого дома. Рядом валялось нечто похожее на разбитую спутниковую тарелку. А внизу бегали люди. Паника была беспочвенна, ведь их город вовсе не был задет...

И все же странно, как мне хватило сил спровоцировать столь мощный взрыв, который смог поглотить весь город. Неужто мне удалось настолько разогнать частицы, настолько разогреть окружающую среду, что начался ядерный синтез? Такое происходит только в недрах звезд, люди еще до такого... Хотя, а... Ах-х...

В памяти с непростительным опозданием всплыл диалог с нейрохирургом, когда я впервые оказался в Айсберге. Он точно говорил что-то про наработки термоядерного реактора у них в подвалах. Теперь все сходится. Если бы я только это вспомнил раньше, то не позволил бы себе так рисковать... Но уже поздно.

Пошатываясь от безысходности, я не знал в какую сторону мне ковылять. Везде одни и те же бессмысленные, светящиеся линии, монументальные геометрические фигуры и проносающиеся мимо каракули. Увижу ли я это когда-нибудь в прежнем свете?

Решившись, я зашагал обратно к разрушенной будке, чтобы спуститься в подъезд. Одна из квартир была пуста. Плюс ко всему, стопки вещей в шкафах, столы, подоконники были подернуты месячным слоем пыли, воздушные слои в комнатах уравновешены, а трубы, в целях безопасности, перекрыты, что предполагало мне недостижимость хотя бы ближайšie несколько дней. Обязательно выбрал бы место поудобнее, да только не был сейчас способен далеко уйти.

Спускался по этажам невыносимо медленно, как инвалид, решивший без посторонней помощи выйти на прогулку. Все двери, что только попадались на пути, были открыты – люди, как слышали воздушную тревогу, не мешкая, бросили все как есть и покинули свои жилища.

Наконец, я очутился напротив двери, что мне нужна. Чуть отсыревшая от долгого неиспользования фурнитура замка пришла в действие и скособоченная фигура, споткнувшись о порог, ввалилась внутрь. Это была однокомнатная квартира, но с очень странной прихожей, что разделяла единственную комнату и кухню нецелесообразно длинным коридором. Недолго подумав, я заставил тело идти в зал, где угадывался просторный и мягкий параллелепипед, на который оно рухнуло, взбив искрящуюся в алиеноцептивном спектре пыль. Что дальше?

Сейчас секунду за секундой я заставлял себя жить. Существовать. К этому невозможно было привыкнуть. Хотя мне начало казаться, будто в слепо вращающиеся глаза стал пробиваться свет. Глядишь, и зрение вернется. Чтобы убедиться, что этого не произойдет, я уцепился обеими руками за повод протянуть хотя бы до утра. Кстати, насчет рук...

Та самая, что была однажды сломана в предплечье, теперь была согнута в дугу. По-видимому, мои обновленные кости вобрали в себя столько металлов, что сломаться уже попросту не могли. Разве что погнуться. Немного покорпев, я все же вернул своей парализованной конечности былую, анатомически правильную форму. Привел в порядок ребра. Расправил сплюснутый таз. Вклинил на место нижнюю челюсть. Органы внутри туловища были перемешаны и плавали в нем мертвым грузом. Что с ними делать я не знал. Все они нужны были для поддержания жизни в организме, для его адаптации к окружающей среде, для поглощения из нее энергии и защиты от ее обитателей. Все они были винтиками в этих сложнейших механизмах...

Но, несмотря на полное отсутствие кровоснабжения и иннервации, мой мозг поддерживал в них жизнь удаленно. Только для чего? Тело нужно было для перемещения в пространстве и для различных физических манипуляций, без которых мозгу не выжить.

Но сейчас всему этому альтернативой служила моя способность. Странно, что голова до сих пор самостоятельно не отделилась от тела, как от бесполезного груза. Ведь живем мы, чтобы выжить, и моих способностей вполне будет достаточно, чтобы пережить всех, даже без конечностей. Ах да... Живем мы не только ради самого факта жизни, но и ради экспансии генетического материала. А разместить в голове его производственную фабрику довольно-таки непросто... Теперь, кажется, понятно, почему мое тело еще не начало гнить...

Я понемногу осматривался вокруг себя и квартиры. Паника на улице подутихла, люди возвращались к себе по домам. Было непривычно и жутко смотреть, как человекообразные фигуры поднимаются по зависшим посреди нигде платформам и линиям, захлопывают за собой чуть более яркие, чем пустота прямоугольники и расслабляются, наверняка чувствуя себя сокрытыми и защищенными от бесконечности. Но на деле они по-прежнему оставались в этой бескрайней черной пустоте. И из нее же они и состояли. Изолированная от остальных отключенных органов чувств алиеноцепция нагнетала жуть и вселенскую безысходность.

Но пытаясь отвлечься от этого зрелища, я спохватывался, что единственным убежищем от него могут быть только мои мысли. Обо мне, о содеянном мной, о том, с чем я остался

наедине... И это казалось гораздо нестерпимей, поэтому я вынужден был блуждать вниманием где угодно, лишь бы подальше от себя.

* * *

– Ваше **Я** – это программа, которой придерживаются атомы, составляющие нас. Ты не материя! – выкрикнула лектор кому-то из сидящих в первых рядах. – И ты тоже, – указала пальцем на другого.

– И ты схема, – глянув куда-то в мою сторону, завершила она, – по которой она принимает форму, позволяющую тебе жить, чувствовать себя и нагло полагать, что все эти атомы, из которых ты состоишь, принадлежат исключительно тебе...

Я чувствовал себя прикованным к стулу за партой, мне сложно было пошевелиться, а нутро разрывало от экзистенциальных переживаний. Меня не покидало чувство, что их во мне вызывали не только пугающие слова лектора, но и нечто еще, дышащее мне в спину. Но я не помнил, что это, я боялся обернуться. Я продолжал цепляться за ее потусторонний голос...

– ...один сбой, что нарушит поддержание существующей только в виде материи схемы, и происходит распад. Необратимый. Навсегда исчезает та уникальная организованность, которой придерживались все компоненты, образующие твое **Я**. Энергия берется из всех тех же атомов, что своими взаимодействиями друг с другом образуют силу, реакцию, движение. Твое так называемое **Я** обуздало все эти реакции, сделав их совокупность осмысленной, направленной на конкретную цель, о которой атомы даже и не подозревают, не видя ничего дальше своих ковалентных собратьев...

...о, это больше похоже на рисунок на песке, что размывается с каждой накатывающей волной. И атомы, глядя на все размывающиеся детали схемы, рисуют по их подобию снова и снова, то же самое, всячески сопротивляясь все новым и новым приливам. У них только одна цель – сохранять рисунок в читабельном состоянии. А в одной из строк этого рисунка написан посыл, приказ, цель для атомов, что участвуют в этом – **сохрани меня**. И атомы следуют ему. А в случае непредвиденного сбоя или чересчур сильно нахлынувшей волны расходятся восвояси. Каждый в свою, непредсказуемую для него сторону. В направлении, которое они не способны сами выбирать. Они разлетаются и блуждают без дела, пока вновь не наткнутся на другое, придерживающееся очередной инструкции сообщество атомов, к которому они без всякого размышления примкнут...

Я не дам им разойтись восвояси, – меня тошнило от нестерпимой близости моей кончины. – Я держу их в узде, в конфигурации. Я...

– **Я** – это архитектурский проект, – продолжала надрываться лектор, сделав вид, что не заметила моих оглушительно громких мыслей. – Вавилон, сооруженный миллиардами ничего не подозревающих рабочих. Твоя сущность призрачна и ощутима только лично тобой, но только до тех пор, пока рисунок на песке цел. А стершись, он уже более не позволит самого себя прочесть. Он – опыт, генетическая память, схема самоподдерживающейся организации, понятия о хорошем и плохом... И в то же время, всего лишь печать в клубке многочисленных и скоропортящихся нейронов...

...так что теперь, – лектор довольно перевела дух. – В случае, если тебе кто-нибудь задаст вопрос – кто же ты на самом деле? – ответ ты знаешь. Организованная, отчасти контролируемая материя, живущая вопреки энтропии. Материя, что способна охарактеризовать себя, ответив на этот вопрос...

* * *

Стрелки часов клонились вверх. Электричество в городе возобновили. Усилием воли я включал и выключал свет в комнате, замечая с каждым разом все больше разницы между тьмой и светом в своих понемногу восстанавливающихся глазах. Местоположение лампы я уже смутно различал. Вещи в комнате постепенно обретали форму.

Чтобы не сойти с ума, я приказал своему телу встать и прогуляться до кухни. Наблюдать за собой со стороны приходилось уже меньше, так как у меня снова появилась какая-никакая возможность смотреть на мир через глазницы, пусть и было все как в воде, еле различимо, словно на дне глубокого озера – мутные вещи появлялись в поле зрения неожиданно, но все же психологически так было куда уютнее. Так снова можно было выдвинуть предположения, что я жив.

Предположения... Сейчас все мои ничтожные ощущения опирались только на них. Кухонные принадлежности и интерьер я различал только по мере приближения к ним своих подслеповатых глаз. К сожалению, предположения о том, что за предмет передо мной, проявлялись в моих глазах гораздо раньше самого предмета. Поэтому приходилось подключать воображение.

Глянув в окно, я не без труда убедился, что уже наступила ночь. Мерклое, светящееся пятнышко застыло прямо над углом соседней крыши, между будкой и антенной. Многие не спали, а застыли в напряженных позах у себя дома, будто размышляя, или же окаменели перед телевизором. Какая-то машина бессмысленно кружила вокруг дома, проезжая мимо пустой детской площадки. Прижимаясь щекой к стеклу, я запоздало почувствовал в нем трещину – последствия ударной волны взрыва. В мыслях опять грозой озарилось произошедшее. Я судорожно попытался взворошить в себе хоть что-то светлое, имеющее смысл, надежду, стимул двигаться вперед, чтобы прикрыться от этой смертной тоски, но такого не нашлось.

В отчаянии я вспомнил про прилежащее ядро, и уже было приготовился его простимулировать, чтобы скорее забыться, простить себя, смириться со случившимся, пересмотреть все на другой, шадящий лад, адаптироваться к невозможному, но... Чувство вины оказалось куда сильнее страха перед страданием. Я заслужил это. И я не должен от этого убежать. Хоть раз.

Всегда в своей жизни я старался убежать от проблем. А если они и казались неизбежными или они заключались во мне самом, я их старался попросту игнорировать. Разукрашивать. Заслонять их чем-то своим, ярким, вымышленным, лишь бы не видеть...

Но только не принимать такими, какие они есть. В этом была моя главная слабость, идущая прямым из детства, сразу после того как...

Я дернулся, отлетев от окна, грубо выпнутый из собственных воспоминаний. Нельзя туда соваться, нельзя... запретил... ни под каким предлогом туда не заходить... скорее отвлечься...

На пол полетела сушилка для столовых приборов. Вилки и ножи, будто привлекая к себе внимание, звонко запрыгали по паркету. Я не сразу обнаружил, что за чем-то с ожесточением тыкаю в кнопки на микроволновке. Пальцы будто не принадлежали мне и я, словно через грязное, толстое стекло наблюдал за тем, как рука сотрясает печку. В лопнувшие барабанные перепонки ворвался бесконечно далекий, слабый писк устройства. Вместе с тем, я ощутил в другой комнате какой-то подозрительный алиеноцептивный шорох.

Сориентировавшись, я понял, что это звук, исходящий от телевизора. Но кто его включил? Борясь с дурными, необъяснимыми предчувствиями, я медленно побрел в зал.

И какой только мудака проектировал планировку квартир? – в который раз с раздражением подумал я, сосредоточенно заставляя свои ноги волочиться по бессмысленно длинному коридору, напоминающему тоннель в один конец. Наконец-то долгожданный поворот... Теле-

визор к этому моменту уже стих. Не видя ничего перед собой, я ковылял к нему... Как вдруг врезался животом в кухонный стол.

С несколько минут я его озадаченно разглядывал, убеждаясь, что полуслепые глаза не врут. Но нет... Осмотревшись, я узнал интерьер кухни, из которой только что пришел. Как же так вышло? Должно быть, дезориентировался в этом глупом коридоре, пока думал над тем, кто же его таким мог спроектировать...

Развернувшись, я пошел обратно. Ходьба давалась тяжело. Но в этот раз я ревностно следил, чтобы моя траектория не отклонялась ни на градус. Снова поворот, и вот я уже снова стою на кухне. Изумление было настолько сильным, что в глазах прояснилось на два тона резче. Нет, это точно не было дезориентацией.

Вернувшись в коридор, я разглядел в конце него стелящийся на пол и стены лунный свет, просачивавшийся в окна зала. Но ведь луна была видна только из кухни... А окна зала выходили на противоположную сторону дома...

Чуть ли долетев дотуда, я убедился, что зала действительно там нет. Мне становилось по-настоящему дурно. Мне не удавалось увидеть даже краешек ванны, который, по идее, должен там быть, если по ту сторону так же располагалась кухня. Но все скрывалось за углубленным поворотом, и проверить своими глазами можно было только преодолев его, что, в свою очередь, скрывало от глаз только что оставленное место. Эта квартира будто издевалась надо мной.

Что-то мне подсказывало, что отсюда пора сваливать... И если не получается это сделать традиционным способом, через дверь, то следует прибегнуть к не менее привычному – через окно.

Не размениваясь на ходьбу, я перенес себя за шкуру в другую кухню, к окну, и там мой взгляд снова привлекла луна. Она по-прежнему висела над углом соседнего дома между будкой и антенной. А внизу наворачивала круги мимо детской площадки чья-то машина. Несмотря на то, что ниже шеи чувствительности у меня больше быть не могло, я все равно ощутил, будто во внутренностях закопошились скользкие, ледяные угри.

Это невозможно...

Люди в соседних квартирах по-прежнему стояли все в тех же позах, в которых их застал пол часа назад.

Я сплю...

Стрелки часов в зале все так же клонились вверх, не дотягивая до полуночи. Похоже, я застрял не только в пространстве, но и во времени. Надо было оставаться в зале. И вскоре бы уже наступило раннее утро...

Горько прикрыв глаза, я заставил себя перевалиться через подоконник. Прохладный ночной ветер с готовностью бросился навстречу, сопротивляясь моему желанию разбиться. Сквозь тьму не удавалось разглядеть площадку, на которую мне предстояло упасть, поэтому с торможением я времени. Даже если ошибусь, не рассыплюсь. В какой-то мере, я даже вообразил ощутить еще немного встряхивающей и отрезвляющей боли, но... Спустя несколько затяжных секунд ничего не произошло.

Ветер так же растрепывал волосы, а я по-прежнему испытывал чувство свободного падения, но... Пора бы уже!..

Я развернулся в воздухе через плечо, чтобы оглядеться, и удивлению моему не было предела.

Окна стояли на месте, как если бы я относительно них не падал. Подняв же взгляд повыше, я еле разглядел окно, из которого вывалился, так как оно сильно уменьшилось в размерах и удалялось с каждой секундой вместе с участком стены под ним, что, словно геометрический фрактал, разрасталась все новыми и новыми квадратными метрами, общая площадь которых удлинилась уже в несколько десятков раз.

Усилием воли я молниеносно поднялся обратно в свою загадочную тюрьму. С силой и недоверием я всматривался в эти проклятые четыре стены, и во мне впервые заговорил самый настоящий страх перед замкнутым пространством. Впервые, потому что с самого детства, когда однажды застрял в лифте и был из него благополучно эвакуирован, я знал, что любую замкнутость была возможность разомкнуть, но эту... Это ведь и не было по сути замкнутым пространством. В том и ужас, что замыкающие меня границы находились где-то за пределом моего понимания...

Итак, я был заперт в куске пространства. В нем не было решеток или еще каких непроницаемых барьеров. Любое мое движение, любая попытка бегства отсюда сопровождалась производством бесконечно повторяющегося паттерна, который не разбить, не обойти, не применить против него силу...

Без особой надежды я открыл входную дверь в квартиру, но за ней предсказуемо располагался все тот же коридор, как если бы я только что зашел домой с лестничной площадки. Повинуясь моему внезапному порыву ярости, стена коридора в соседней квартире лопнула, обдав бетонной крошкой, словно шрапнелью. Рывком устранив облако густой пыли, что затмевала образовавшуюся дыру, я убедился, что за стеной кроется точно такой же очередной коридор.

Я обессилено разжал все ниточки, которыми себя держал, и мое тело обмякшей кучей растеклось по полу. Что ж, если это не сон, то теория доктора Оксмана, гласящая о виртуальном происхождении нашего мира, сейчас не казалась такой уж бредовой. Не было сомнений, что я оказался в некоей пространственной ловушке. Главный вопрос, что меня сейчас терзал – была ли она подстроена для меня по чьей-то воле или это какой-то необъяснимый сбой в нашей не до конца изученной реальности?

А если подстроена, то за что? И если сбой, то как его исправить?

И в каком из этих двух случаев у меня было больше шансов на освобождение?

Лежа на полу, словно кальмар, выброшенный на берег, я отстраненно размышлял. Спешить явно некуда, ведь застрял я здесь, по-видимому, надолго. Если не навсегда.

В чем же суть этой ловушки? – тупо повторял я в мыслях, глядя на дыру в стене, за которой, словно в двух наставленных друг на друга зеркалах, бесконечно повторялась эта же квартира. В том, что у нее нет как таковых границ. Нет границ, на которые я мог бы хоть как-то повлиять. То, что ограничивает меня, ускользает от внимания. Ускользает...

Я уткнулся тяжелым взглядом в край коридора, за угол которого не было возможности заглянуть. А что если...

Несмотря на нереальность происходящего, что не стеснялось удивлять, у меня не было банальной возможности увидеть две комнаты, кухню и зал, одновременно, они были скрыты друг от друга особенностями планировки квартиры. Конечно, оба направления вели сейчас только на кухню, но почему же планировка не позволяла сделать это очевидным? Что если ее особенность здесь неспроста...

Я перенесся в сторону кухни и направил взгляд на стену коридора, точно в то место, за которым должен был по идее скрываться зал или еще одна отзеркаленная кухня. Стены взорвались, дым торопливо развеялся. Проплыв над обрушенной стеной, я снова очутился в коридоре, как если бы только что зашел в квартиру через выбитую дверь. Вот и нашлась уязвимость в ловушке.

Она готова на что угодно, лишь бы не позволить мне увидеть две комнаты одновременно. К чему этот запрет? Уж не является ли он ключом к освобождению?

Значит, теперь нужно как-то обойти этот запрет... Но как? В поисках ответа я забрел в ванну. В ней я еще не был, вдруг что-то упустил. Вспыхнул свет, и в зеркале возникло нечто, заставившее отшатнуться. Точь-в-точь иллюстрация из книг о мучениках, что восстали из ада. Даже с расплывающимся зрением было видно достаточно, чтобы задаться вопросом, как эта развалина еще живет, и на каких потусторонних силах она держится...

Стараясь на себя не смотреть, я обвел взглядом помещение. Обыкновенный совмещенный санузел, стандартная чугунная ванна, потрескавшееся от долгого неиспользования мыло... Зубная щетка тошнотворного желтоватого цвета... Запашок хлора...

Зеркало снова приковало к себе внимание. Не отражение в нем, а сами его возможности... Ну конечно!.. Болты со скрипом выскользнули из своих гнезд, и зеркало поплыло в коридор вслед за мной. Действуя по наитию, я поставил его в угол таким образом, чтобы издалека была возможность увидеть в нем хотя бы краешек отражения кухни.

Отойдя в другой конец коридора, я зашел в ванную и проделал то же самое и со вторым зеркалом, поставил его под тем же углом, что и первое. Но мне не посмотреть на них одновременно. Нужно больше зеркал.

Вернувшись через дыру в стене в предыдущую квартиру, я сорвал оттуда еще пару зеркал, за ними еще несколько. Чуть не заблудился, возвращаясь в коридор с уже настроенными отражателями.

Неизвестно сколько я провозился, выстраивая зеркала между собой так, чтобы многократно отраженное рекурсивное изображение с обеих сторон сфокусировалось на одном единственном, в центре коридора. Повернув его еще на полградуса, я таки добился необходимой симметрии. Наконец-то я увижу то, что здешние правила так стремились держать порознь. Я посрамлю их.

Напряженно вглядываясь, я все же смог в этих бесконечных геометрических преломлениях нащарить краешек второй кухни. Или зала. Или кухни.

Или зала.

Или...

Неслушающаяся нога выстрелила пинком по зеркалу. Крошечные осколки запрыгали по полу. Говорят, к несчастью. Если бы я мог смеяться, я бы заплакал.

А на что еще тут можно было надеяться? Чего я хотел этим добиться? Посрамить и без того посрамленные законы физики? Сама Вселенная инкапсулировала меня в этой квартире, как это делает иммунная система с каким-нибудь особо агрессивным вирусом. Эта ловушка проектировалась без выхода из нее, тут нет ключей и не подразумевается никаких загадок, которые ждут, чтобы их разгадали. Я здесь навсегда...

Не веря в происходящее, я вслепую перебирал струны мироздания, надеясь нащупать нечто новое, ранее невиданное, что могло бы в этот раз помочь. Но все струны мне были знакомы. Все вместе они образовывали собой большой рояль, и в этот раз, за кустами мне его уже не отыскать.

Но должна же быть здесь хоть какая-нибудь щель, изъян... Пусть и в непривычном понимании этого слова. Некая условность, что нарушала бы целостность и безупречную фрактальность этого куска пространства. Я вспомнил скорость, с которой плодилась плитка на стене дома, пока я падал с окна. Был ли у нее предел? Что если ее обогнать?

Только одна скорость, доступная мне, способна была с этим потягаться... И после нее я еле остался жив. Но убивало меня сопротивление реального мира. А эти же стены сопротивление предупреждают. Если понадобится, они ради меня расширятся до масштабов целой Вселенной. Минутку...

Бредя по пустырю, всклокоченному от разрушительной скорости запущенного мной гранитного метеорита, я вдруг с холодком вспомнил, что не только планеты движутся вокруг Солнца, но и само Солнце... Сам Млечный Путь должен был вращаться вокруг чего-то уж совсем непостижимого воображением...

Скорость Земли на фоне движения самой Галактики должна быть просто микроскопической. Потянет ли ловушка такую скорость? Вряд ли. Она ее перегрузит. Но потяну ли ее я? Можно ли вообще измерить эту скорость в километрах?

Мое сознание сдавило от страха. Сердце не билось, артериальное давление отсутствовало, кислородного голодания наступить не могло, АТФ восполнялось самостоятельно, и тем не менее, меня пробрало. Я решил открыть дверь в неизведанное...

Скорость и выделение тепла будет таким, что я вскрою и пространство, и само время, и окажусь где-то в щелях между ними.

Или же все закончится еще одним немислимым взрывом, что так и не покинет пределы этих стен. Но другого выхода я не видел.

Я прикрыл глаза и мысленно обнял весь алиеноцептивный мир. Теней от инерции Галактики я не ощущал. Она была настолько неохватной, что широты сознания не хватало это воспринять, но я его раздвигал, а каждый новый успех закреплял крепким объятием. Цвет алиеноцепции, в котором я все видел, оказывается и был шлейфом от ускорения все это время. Настал час ему воспротивиться.

Я обгоню все и вся. Все злонамерения против меня, все правила, которые мне так и не удалось преступить. Обгоню свои ошибки. Свое чувство вины. Свою смерть.

Мир пошатнулся, и это было последним, что я увидел.

Глава 42. Бесконечный шанс

Я был нигде. Ни одного события, ни единого раздражителя, ни малейшего намека на реальность. Я не стоял, но и не падал. Назвать себя зависшим в чем-либо тоже не мог. Это было чем-то большим, чем просто пустота, при условии, что в этом месте присутствовали понятия **больше** или **меньше**. Да и слово **место** подразумевает нечто обособленное координатами. А здесь же их я бы и не рискнул искать.

Пробыв здесь целую вечность, отсчет начала которой нельзя было засечь, я внезапно ощутил, увидел, услышал нечто грандиозное на фоне абсолютного нуля. Найти это оказалось несложным, ведь это было единственным событием, распространившимся по всему, чего здесь нет. Оно еще не началось, как я был рядом с ним, внутри него. Я был им.

Это был просто шар. Я не знал его размера, так как не с чем было сравнить. Но не было четкой убежденности, что это точно шар, это могло быть чем угодно. То ли оно непрерывно меняло форму, то ли оно ее вовсе не имело, а форма шара не более чем каприз моего воображения, что привыкло наделять все формой и именем...

Но не было никаких сомнений, что этот... этот объект был извращением в системе абсолютного порядка. Он рушил весь баланс. И тут шар начал делиться.

Правда, половины почему-то не уступали ему размером...

Но куда более странным было то, что все изменения с ним не сменяли друг друга последовательно, как это было бы в реальной жизни. Все эти изменения выходили за пределы одного момента. Нечто вроде киноплетки, на каждом кадре которой отображались все поэтапные превращения, коим подверглись эти формы, устремилось в неизвестном направлении. Все это происходило с удобной для меня скоростью, я мог пересматривать все предыдущие положения этих тел, мог созерцать их начальный и заключительный этапы деления разом.

И вот, наконец, шар полностью разделился на два таких же. Кинолента приостановилась. И тут же от точки ее возникновения прорезались еще три киноплетки, которые стали оплетать, как плющ, первую, основную.

Приглядевшись, я обнаружил, что в новых лентах истории шара фундаментально отличались от их первоначальной версии. В одной из них шар не разделился и вообще остался неизменным. Во второй он разделился, но половинки снова воссоединились в целое. В третьей же это деление застыло в самой середине.

Когда эти три ленты поравнялись с самой первой, началась нешуточная гонка, в которой, конечно же, лидировала основная из четырех, она же и не отклонялась ни на йоту от заданного пути, в отличие от ее соседок, которые, казалось, разлетелись бы в стороны, если бы не магнетизирующее превосходство первой.

Ринувшись вслед, я заметил, что каждая из трех лент разветвилась на еще три. И лишь основная шла ровно, уверенно прокладывая истинную историю судьбы этого шара. В ней отображалось нечто предсказуемое – два шара разделились так же, и их стало четыре. В кинолентах же по соседству развивалась совсем другая история.

Та, в которой субстанция застыла посреди деления, преобразовалась в три альтернативных истории, в одной из которых она таки разделилась, в другой вернулась в прежнюю форму, а в третьей не подверглась никаким изменениям. Я не стал вглядываться в остальные. И без того понял, что передо мной всевозможные вариации судьбы этого шара, которые могли бы произойти, не будь на их месте то, что сосредоточилось в центре.

От каждой из этих спиралеобразных лент, буквально от каждого их сегмента засвидетельствованных изменений отпочковывались и змеились все новые и новые судьбы. Любой из моментов имел собственное развитие, неуклонно множась вариации, что распространялись вдоль материнских линий в геометрической прогрессии. Издалека это уже напоми-

нало тупоугольный конус, что формировался, начиная от макушки, расширяясь все больше и больше, не оставляя места пустоте. Отслеживать отдельные события становилось невозможным. Это было хуже, чем стараться уследить за несколькими условно пронумерованными муравьями в муравейнике. Безуспешнее, чем пытаться пройти взглядом лабиринтную головоломку, размеры которой не умещались в глазах. Тщетнее, чем надеяться отыскать начало и конец в ленте Мебиуса.

Рост конуса все набирал скорость, а разветвления с ожесточением пронизывали друг друга, заплетаясь в гордые узлы. Чем это закончится? Зачем я здесь?

Не успел я задать себе этот вопрос, как меня вбросило в пучину этих извивающихся сорняков. Все застилало бесконечное полотно красок. Они казались многогранными, сверхобъемными, трансцендентными... Не хватало слов, чтобы это описать. Не хватало... Мучительная мысль, привычка довершать формулировку даже самого неопишуемого образа... В мыслях замелькали воспоминания, ассоциации, изысканные литературные метафоры... И тут же неподалеку разверзся водоворот переливающихся неземных оттенков, в который я без раздумий заворочено нырнул. Красочные фигуры завращались вокруг, стали увеличиваться, открывая в себе новые грани, а за ними и подграни, а затем...

...из одной из щелей междугранья полилось свечение, резонирующая, потусторонняя песнь. Было в ней нечто щемяще знакомое. Я метнулся в эту щель, которая поначалу казалась не шире, чем расстояние между рельефными линиями на подушечке пальца, но по мере приближения, она разрослась до планетарных масштабов. Я опять сновал среди ниточек происходящего и того, что могло бы произойти. Среди всего этого невыносимого визуального дребезжания, я вдруг вычленил шарик, отдаленно напоминающий главный атрибут в кабинете географии. Еще раньше, чем успел подумать о движении к нему, я уже навис над ним, а он — надо мной. Я вернулся домой.

Но в то ли время, что мне нужно?.. Рядом не пролетали спутники, а поверхность континентов не горела огнями мегаполисов... Вторгнувшись в то, что должно было быть атмосферой, я очутился в жутком информационном вихре из сигналов, колебаний и волн. Материя меня игнорировала. Я был меньше, чем привидение. Никаких чувств, как прежде. Только алиеноцепция, возведенная в абсолют.

Стоя, а точнее, зависнув над землей во избежание погружения в кору, я осматривался. Не было сомнений, что подо мной земля, а не вода, горный хребет или очередной атмосферный слой. Материя подо мной была плотной, однородной. Грунт. Мерзлый грунт, так как по мере погружения в него, колебания частиц усиливались, подсвечивая контраст уровней промерзшей почвы. А вот и тонкая прослойка снега, местами утоптанного, так полагаю... А вот и деревья, что будто стояли над зеркальной гладью, так как их корни, глубоко уходящие под землю, сильно походили на их же голые кроны. Было здесь и еще кое-что, невнятное, неоднородное, кипящее миллиардами реакций, превращений, обменов и замещений. Люди!

Но было сложно даже определить их пол. Сигналов, что улавливал, было настолько много, что я не успевал в них разобраться. Вот бы прежнюю возможность видеть глазами!..

И тут мое восприятие, как по команде, стало незамедлительно меняться. То меня застилали вибрирующие линии, пронизывающие пустоту, то цифры, беснующиеся или же сгруппированные в отдельные дробы, то пульсирующие отголоски эха электромагнитных полей, то гаммы малоинформативных излучений...

Я чуть не сошел с ума, пока, наконец, не получил, что хотел. Мир в блеклых, но привычных красках. К моему бескрайнему изумлению, передо мной стоял собственной персоной легендарный поэт, живший в позапрошлом веке. Александр Сергеевич Пушкин. Не узнать его было невозможно. Его брови были сосредоточенно сдвинуты, а в руке зажат мушкет, что проникал сквозь место, где по идее должна быть локализована моя голова.

Грянул выстрел и комок крупных, организованных ядер врезался в правую руку противника, разъединяя целые сообщества частиц, что дисциплинированно сцепились между собой, строго соблюдая всю энергетическую иерархию электромагнитных полей его тела. Часть биоматериала начала неуклонно покидать свои законные места, самоотверженно перебираясь в другой мир условий, что не позволит им остаться в прежнем виде. Кровь закапала на снег.

Переключив внимание на выстрелившего поэта, я запоздало уловил глобальные сбои во внутреннем мире его реакций. Сердце взახлеб гоняло кровь, недоумевая с каждым сокращением, когда ее приходило все меньше и меньше, а давление, толкающее ее к нему – падало.

Опустив пронизывающий взгляд ниже, я обнаружил разрушенные кости таза. Кровь скапливалась в брюшной полости. Учитывая уровень медицины этих лет, прогноз был очевиден и неблагоприятен, и о нем знала вся история мирового сообщества. Другой вопрос – при чем здесь я? Как я здесь оказался и главное зачем? Что может общего быть между мной и этим поэтом, особенно если брать во внимание, что поэзию я никогда не воспринимал всерьез?

Я отрешенно наблюдал за его корчами и подбежавшим секундантом, не понимая, какое отношение это могло иметь ко мне. Мерцающие рядом еле заметные нити в воздухе, про которые совсем забыл, тускло поблескивали заманчивыми исходами иного развития событий. А может, я здесь для того, чтобы предотвратить его смерть?.. Я посмотрел на них изменившимся взглядом. Почему бы и нет?.. Хоть что-то хорошее, после всего плохого, что я сделал...

Нитей было невероятно много, я слился с выбранной наобум. Раздался выстрел. Легендарный поэт скрючился, мушкет выскользнул из обессиленной руки. Когда подбежавший секундант стал поднимать раненого, послышалось сдавленное бормотание, свидетельствующее о еще более неблагоприятном прогнозе, чем предыдущий.

– Ноги... Мои ноги...

В самом деле, только хуже. Значит, рука стрелка дрогнула вправо. Не дожидаясь дальнейшего удручающего развития событий, я влился в следующую нить. Снова выстрел. Вновь Пушкин падает навзничь. Я переключивался из одной истории в другую, но ситуации различались лишь в мельчайших деталях, суть оставалась прежней.

Я решил поискать нити, что соседствовали подальше. В первых двух, что подвернулись, исход был таким же безрадостным, а вот в третьей мушкет противника дал сбой. Громко шелкнув, он вверх в недоразумение стрелка, а на другой стороне я отчетливо услышал прерывистый выдох. Ну, наконец-то... Теперь все в руках Пушкина. Я уже было поверил, что в этот раз он выйдет из дуэли победителем, но как бы ни так...

Вместо того чтобы разглядеть в подобном стечении обстоятельств добрый знак, вмешательство сил свыше, он проявил ослиное благородство, признав сбой в мушкете уважительной причиной для внеочередного выстрела.

Испытав злостное удовлетворение, когда этот герой таки получил свою пулю в грудь, я все же возобновил поиски альтернатив, но на сей раз, игнорируя столь незначительные изменения в истории. Я решил углубиться в прошлое. И опять, не успев даже подумать о возможных трудностях в попытках отрегулировать свой путь в извивающейся вермишели мелких явлений, я тут же оказался там, где надо. Точнее, там, где должен быть, если полагаться на правильное истолкование моих желаний этим всемогущим гидом из параллельных миров.

Озираясь в поисках цели моего межпространственного прыжка, я пришел к выводу, что в этот раз нахожусь посреди торговой площади. При этом наводняли ее личности не столь галантной наружности и поведения, которое было присуще поэту и кругу лиц, в котором он пребывал. Я с недоумением вглядывался в угрюмых людей, в грязные окна, сквозь деревянные стены барачных, но так и не увидел знакомого лица.

Уже почти потеряв всякую надежду отыскать поэта, я решил плюнуть на эту сомнительную задачу и попытаться найти выход из этого места, из этого времени, из этого состояния,

хотя бы для начала вернуться в ту злополучную квартиру, с которой все началось, но тут мое внимание приковал некий субъект.

С самого моего появления здесь, он сидел буквально у носа и штопал грязный сапог. Его лицо было нездешнего, смуглого оттенка, а нос широким, приплюснутым, как у африканца. И все же, в этих грубых и не обремененных интеллектом чертах лица чем-то отдавало несостоявшимся поэтом. Быть не может. Это, похоже, и был Пушкин, но уже в другом проявлении его генотипа. Соответственно, он никогда и не писал ничего и, по сути, был никем и ничем. Курчавый негр поднял уставшие глаза и уставился куда-то в пространство, в дебрях которого был локализован я. Меня он, конечно же, не видел. Глянув напоследок на его испещренное морщинками и складками лицо, я вновь нырнул в спутанный клубок из параллельных миров.

А это уже становилось интересно. Продираясь сквозь бесчисленные альтернативы, напоминающие выпотрошенные магнитные ленты из кассет, я акцентировал свое желание на том, что предотвратило бы именно смертоносный конфликт, но никак не формирование самой личности, результат становления которой, собственно, и придавал мне мотивацию отсрочить ее смерть.

Декорации сменились. Застывшие фигуры сгруппировались вокруг какого-то события. Царила тишина, и атмосфера была перенасыщена каким-то невесомым, но, в то же время, тяжелым продуктом эмоциональных реакций. Послойно охватив всю территорию, я подтвердил свои догадки о похоронной церемонии. С облегчением заметив знакомую фигуру среди присутствующих, я исключил, что хоронят поэта. Рядом с ним стоял его противник. Между ними не чувствовалось никакого напряжения. Все их внимание и переживания были направлены к трупам какой-то женщины, что смиренно лежала в толще взрыхленной земли в центре круга скорбящих.

Кажется, данный инцидент нейтрализовал напряжение между этими двумя, а значит, альтернатива найдена. Как бы теперь ее поставить на замену истинному ходу явлений? Ответ не заставил себя ждать.

По наитию, я ухватил все доступное мне пространство недоступным доселе притяжением и ринулся к ведущей и насыщенной цветами киноленте. Пробиваясь сквозь толщу блеклых нитей, еле удерживая отчаянно вырывающийся из моего влияния привлекательный расклад вещей, я довольно-таки быстро отыскал сердцевину реального хронолога. Единственный уверенный в себе и в том, что его наполняло, он непреклонно прокладывал себе путь вдаль, расталкивая бледные потоки того, чему не быть. Не быть, но лишь без вмешательства свыше.

Как будто учуяв мои намерения, он завибрировал так, что я по-настоящему потерял координацию своего намерения. Пустоту заполнил жуткий резонансный гул, отдаленно напомнивший мне воздействие инфразвуковых пушек солдат Айсберга. Пусть я и не осознавал в полной мере, что сейчас представляла из себя моя сущность, и можно ли было вообще хоть чем-то на нее повлиять, но этот гул доставлял моему мышлению страшный дискомфорт. Я чувствовал, что забываю о намерении, мысли теряли между собою связь и логику, они распадались, как бусины разорванного ожерелья. Задача казалась невозможной. Но пусть и запутавшийся, уже и не зная зачем, я все равно упорно продолжал двигаться, словно безмозглая половая клетка, по инерции, к нему навстречу.

Привлекательная, но стеснительная нитка в кулаке моей воли до последнего норовила выскользнуть, будучи неуверенной в адекватности своей истории. Столкновение и замещение было сопровождено ярчайшей вспышкой, свет от которой почему-то вернулся обратно сразу, не пожелав устремиться в стороны, кичась скандально-грандиозной новостью, которую в себе нес. Кажется, коллапс не произошел. Избранная мною нить уже приобрела уверенность и растворилась в организованном пучке реальных событий, а то, что еще недавно было вместо нее, апатично скользило рядом, потеряв все свои краски и актуальность.

* * *

Еще некоторое время полюбовавшись своим вкладом в историю, я осмотрелся по сторонам. Это было не так просто, так как сторон было более четырех, пространство казалось мультимерным, и представляло собой сплошной комок извивающихся и ползающих друг по другу змей разной окантовки и окраски. Они разбухали изнутри, расталкиваемые бесконечно плодящимися альтернативами. Они вытесняли пустоту, загоняя ее в угол своей бескрайности. Расстояние между реальными частицами было переполнено их же фантомными копиями.

Мне невольно вспомнились школьные уроки ядерной физики, которую я хоть и не особо любил, но все же не мог не запомнить картинку со стандартной моделью строения атома. Она висела над классной доской, и я частенько от безделья буравил ее взглядом. Я точно помнил, с каким придыханием учитель ведала нам о межатомных пустотах, которые ученые всего мира до сих пор не могут объяснить. Видите ли, между ядром и витающими вокруг него электронами была чудовищно огромная, по меркам частиц, дистанция, но чем это было обусловлено, никто не знал.

Но глядя сейчас на эти бурно размножающиеся копии, что заполняли межатомное пространство, как сорняк, вытесняя и отдаляя ядра друг от друга все дальше и дальше, я чувствовал, что становлюсь первым, кто наталкивается на этот волнующий ответ. Так вот что скрывается в пустоте. Копии того, что ее уже наполняло.

Вселенная расширяется. Но не от какого-то там большого взрыва. А от резервных историй каждой человеческой судьбы, каждой частички, что ее составляла, всех ее путей в бесконечных вариациях с не менее бесконечными ее взаимодействиями с другими, ей подобными. Этот сорняк их отдалял и уже, судя по всему, заставлял трещать по швам рамки дозволенного расстояния между субатомными частицами. И уловить эти изменения было нельзя. Никак. Потому что и глаза, и измерительные приборы, способные зарегистрировать это, изменялись точно так же. Самое понятие **единица измерения** расширялось вместе с Вселенной, не отклоняясь от заданных пропорций.

Мне невольно вспомнился тот странный сон, когда я мучился у себя дома на кровати с подстреленной ногой. Вспомнились летающие люди в громадном улье. Их возможности. Их кончина. Прямо на их расползающихся глазах мир стал разрываться, словно все его молекулы одновременно перенапряглись и лопнули. А что если это было не просто кошмаром, а предзнаменованием? Когда-нибудь, величина гравитационных, электромагнитных и других сил более не способна будет скомпенсировать растущую дистанцию между их источниками, и тогда все попросту лопнет и в одночасье исчезнет.

Точнее, материя то останется, вот только в виде однородной взвеси. Любое взаимодействие будет исключено, частицы станут аутистами. Отшельниками, что блуждают в одиночестве. И не проскользнет искры реакций между ними больше. Не будет ни тепла, ни холода, ни черного, ни белого... И только неугомонные копии альтернативного и уже не имеющего смысла будущего будут производиться с той же завидной стабильностью, отвешивая пинки своим же оригиналам, заставляя их бесцельно бродить среди своих собратьев по несчастью.

* * *

Плавая в гиперпространстве и, угрюмо размышляя о вечном, я чуть было не забыл о настоящем. О себе и своих проблемах. Увиденное потрясло меня настолько, что загадочная тюрьма, разрушение родного города и все остальные, предшествующие этому приключения будто незаметно отошли на второй план и затерялись. Все это казалось старым и полузабытым

сном, который даже и не мне то снился, а какому-то знакомому, что решил им поделиться обрывками, в общих чертах.

Я тут же пожалел о том, что это вспомнил. Так было прекрасно не думать ни о чем, пока гулял по параллельным мирам... Мне ведь почти удалось забыться, но сейчас снова все произошедшее так живо всплыло... Минуточку...

А что если я настолько обогнал время, что теперь могу искоренить и свою ошибку тоже...?

Мысли мгновенно прояснились. Значит, мне удалось спасти Пушкина. Я понял здешний механизм и осознал невероятные возможности этого места. А значит, теперь я изменю и свою судьбу. Но с какого момента...

На подземном перроне? Не дать моей руке выскользнуть из стиснутых ладоней Марты? Нет. Какие в том месте могут быть альтернативы? Ничто не заставит меня оттуда уйти, не дав опрокинуть перед этим Айсберг. На тот момент я был слишком одержимым, непоправимым. Тот я уже не имел и не заслуживал никакого шанса.

Тогда, быть может, вернуться в офис моего несостоявшегося начальника Технополиса?.. Отказаться от предложения Марты пойти с ней в таинственную организацию, с которой все началось?.. Сказать им, что это была выдуманная мной шутка, чтобы привлечь внимание газет?.. Остаться со своими нераскрытыми способностями наедине?.. Но разве пришла бы мне в голову подобная мысль тогда, под ее завораживающим взглядом? Тогда, когда я устал от всего этого опустылевшего мира и жаждал чего-то нового и неизведанного?.. Сомневаюсь, что такая альтернатива в моей голове найдется...

Я вспоминал все переломные события этого умопомрачительного года. Столько всего произошло... Но ни ничего из этого не подходило. Правда, я надолго завис на моменте, который, конечно, вряд ли мог бы изменить мою судьбу, но все равно мне страстно захотелось туда хотя бы просто вернуться еще раз... Забыться в том месте и ничего больше не решать...

Хвойный лес. Сине-красный традиционный наряд. Большие и застывшие голубые глаза, как у испуганной лани... Но стал бы я там что-нибудь менять? Смог бы пройти мимо... Или хотя бы остаться уже после того, что сделал? Вряд ли. Я больше себе не доверял...

Я не тот человек, которому можно было бы позволить оставить себе эти способности и ждать, что он поступит с ними мудро. Я должен предотвратить их появление. Нужно вспомнить место. Парк... Карусель... Очень похожа на башню Ворденклиф, которую я когда-то видел на иллюстрации в учебнике... Девушка в очереди... Мальчик, что случайно спровоцировал меня на нее посмотреть... Усатый отец, что вел его за руку... Я должен в этот момент отвернуться... Думаю, такая альтернатива там должна быть...

Пучина извивающихся событий с подозрительной готовностью разверзлась, желая меня сглотнуть. Из нее веяло потусторонней мелодией, привлекательной и жужжащей, как хор трансформаторных будок... И все же в этой мелодии было что-то не так, что-тостораживающее... Хотя рассуждать что здесь так, а что нет, с моей стороны было чересчур самоуверенно, ведь все происходило на интуитивном уровне, я не давал вдумчивый отчет своим предположениям о том, что меня могло там ждать... Я не знал, на чем они основывались, а значит, и медлить с межпространственным прыжком смысла нет. Надо довериться логике этого места...

Решившись, я занырнул в предложенный водоворот событий. Всего один головокружительный миг, и вот я стою на тротуаре незнакомой улицы. Это был не парк. Дома выглядели несколько старомодно. Позади раздался визг тормозов и глухой, неприятный звук удара. Ссохшееся от старости, туго обтянутое кожей лицо распластавшегося на дороге человека мне казалось смутно знакомым. Он со стоном ощупывал ребра. Пальцы длинные, узловатые, одет с иголочки. Выскочивший из машины таксист причитал что-то на незнакомом языке и выглядел ужасно напуганным. И все же среди его слов я разобрал имя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.